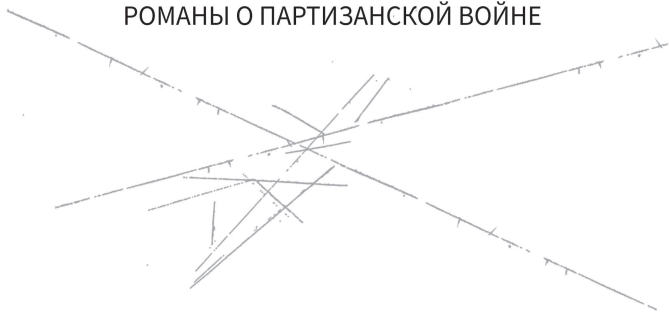

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

РОМАНЫ О ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ЛЕСНАЯ
ГВАРДИЯ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Художественное оформление серии *С. Курбатова*

Зверев, Сергей Иванович.

3-43   **Лесная гвардия / Сергей Зверев.** — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Лесная гвардия. Романы о партизанской войне).

ISBN 978-5-04-229701-4

Из многочисленной группы заключенных, решившихся на побег из немецкого концлагеря, вырваться на свободу удалось только ему одному. Оказавшись в незнакомом лесу на территории Польши, лейтенант Красной армии Александр Канунников готов снова, рискуя жизнью, бить фашистов. Но что может сделать один полуживой узник... Александр решает прорываться к своим, еще не зная, что здесь же, в оккупированном гитлеровцами приграничье, уже действует небольшой отряд сопротивления. Лесная гвардия рада пополнению. Но в отряде нечем воевать и почти нет запасов. Канунников предлагает своим новым товарищам напасть на охрану концлагеря и завладеть оружием...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229701-4

© Зверев С.И., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

«Пять групп химических технологий». — Ледяные капли октябрьского ливня жалят стальными иглами в обнаженную спину, колотят тяжелыми камнями по голове.

— Schneller!¹

«Тепловые, раз!» — Острые колючки гравия на земле впиваются осколками в босые ноги, заставляя дергаться и сжиматься всем телом, будто под ударами тока. Каменные шипы повсюду, весь крошечный дворик перед баракон С концентрационного лагеря Собибор усыпан этими камешками.

«Гидромеханические, два!» — Из свинцовых туч сыплется и сыплется ледяной дождь, поливая бледные тела полураздетых заключенных блока С.

— Legen!²

---

¹ Быстрее! (нем.)

² Лежать! (нем.)

По приказу немецкого офицера дрожащие от холода узники после двух часов бега по кругу тюремного двора ложатся в стылые лужи. От озноба всех трясет крупной дрожью, тело отказывается слушаться, но офицер в черном длинном плаще бьет палкой за малейшее движение:

— Legen, Russische Schweine!¹

От удара сучковатой дубинкой Александра пронзило болью. Захлестнуло так, что кровавая, раздирающая на части вспышка затуманила мозг на несколько секунд, внутри тугой пружиной свернулась ярость.

«Схватить за ногу, повалить на землю и задушить!»

Перед глазами мелькнула картинка, как в его руках корчится умирающий эсэсовец, его фуражка с кокардой-орлом отлетела в сторону, а ноги в зеркально-блестящих сапогах елозят в судорогах по раскисшей грязи плаца.

«Нельзя! Терпеть! Нет! Это разрушит план!» — мысль вспыхнула яркой молнией посередине черной тучи окутавшего Александра гнева.

Лейтенант Канунников, заключенный номер 14724 концентрационного лагеря Аушвиц, по-

---

¹ Лежать, русские свиньи! (нем.)

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

корно распластался на земле без движения. По голой спине между лопатками вдоль выпирающего из-под тонкой кожи позвоночника вспучился кровавым рубцом след от фашистской дубинки.

Зеркальные сапоги шагали от одного распростертого на влажной площадке тела к другому, удары сыпались все чаще и чаще. Ледяной холод земли, впивающиеся в кожу камни, боль от ударов, свинцовые капли промозглого дождя терзали, мучили беззащитных людей — пленных советских офицеров. Но все до единого без ропота выполняли приказы своих мучителей, надсмотрщиков концентрационного немецкого лагеря.

Полураздетые узники бегали кругами под холодным дождем, на пронизывающем до костей ветру, ложились под лающие приказы в студёные лужи, снова вставали и снова бежали. Вот уже несколько часов подряд.

У охранников есть приказ — сломать взятых в плен советских военных, заставить плакать, молить о пощаде, превратить в животных, измученных и умирающих. Но пленные сопротивлялись, проявляя фантастическое терпение. Упорно, молча, без криков, с непроницаемыми лицами они выполняли каждую безумную команду. Без-

молвно стояли под дождем, стискивали зубы под десятками ударов, не просили теплую одежду или кусок лагерного пайка. Такое бессловесное сопротивление с каждым днем все больше выводило из себя эсэсовцев, и новые пытки становились все изощреннее. Сломать, заставить склонить голову перед властью фашистов — вот чего они добивались. И каждый день был чернее предыдущего.

С рассвета до наступления темноты истерзанных голодом и холодом людей гоняли по бетонному пятаку двора кругами, так что забор и вышки с охранниками сливались в серую полосу. Им не разрешали надевать ничего, кроме тонких штанов из грубой ткани. На одного заключенного выдавали кусок засохшего хлеба размером с ладонь — еда на весь день. Крошечный плац засыпали колючим гравием и укладывали на зубья камней раздетых людей, чтобы из многочисленных ссадин потом всю ночь выступала кровь, чтобы сотни порезов сводили с ума, полыхали огнем по всему телу, лишали последних минут отдыха — неглубокого тревожного сна.

Свернувшись в клубок на голом полу, чтобы хоть как-то спастись от пронзительного холода в наспех сколоченном бараке с дырами в стенах

вместо окон, лейтенант Александр Канунников мысленно повторял лекции, которые зубрил перед экзаменами в техникуме химического машиностроения. Знания, цифры мирной жизни, как фотографии или кадры киноплёнки, помогали сосредоточиться на собственных мыслях, лишь бы не обращать внимания на бесконечный пульс боли в истерзанном теле.

«Массообменные технологии, три».

Солнце спустилось за горизонт, воздух превратился в зябкую сырую массу, окутал замершие тела на земле, будто саван мертвеца.

«Механические, четыре».

Когда блестящие сапоги прошли мимо к воротам блока С, Канунников незаметным движением сжал в руке большой кусок гравия и на несколько секунд прикрыл глаза.

«Диффузионные, пять».

За два месяца заключения он выучил дворик перед баракom до миллиметра. Саша знал каждую щель в стене барака, складку на форме охраны, рисунок сучков на досках, из которых были сделаны вышки. Сейчас его феноменальная память, что когда-то удивляла педагогов техникума, пригодится в деле. У заключенных блока С есть всего пять се-

кунд с момента, как откроется тяжелая дверь перед дежурным офицером и вспыхнут мощные фонари рядом с вышками часовых. В это мгновение немецкие автоматчики наверху будут ослеплены ярким светом и перестанут видеть, что происходит в темном прямоугольнике крошечного плаца.

Секунда! Александр длинным прыжком свалил одного из эсэсовцев рядом с дверью и с размаху впечатал острый камень ему в висок. Тот не успел и вскрикнуть, по телу прошла волна судороги, и оно обмякло.

Вторая! Всем телом заключенный навалился на офицера, который не дошел один шаг до ворот. Одеревеневшие пальцы вырвали из кобуры пистолет и одним выстрелом остановили суетливые попытки сопротивления. Тяжелая фигура под заключенным дернулась и вытянулась в предсмертной агонии, струйка крови растеклась между камнями.

За спиной Александра глухо застучали десятки босых ступней, раздались крики охраны и выстрелы с вышек. С треском разлетелись стекла в прожекторах от полетевших в них камней — дворик накрыла темнота. Теперь охранники стреляли в движущуюся темную массу человеческих тел, штурмующих забор, наугад, вслепую.

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

Канунников в два прыжка преодолел короткое расстояние, вцепился онемевшими от холода пальцами в доски забора и потянул на себя.

Рядом кто-то хрипло выдохнул:

— Сейчас, — и воткнул обломок доски в линии колючей проволоки, по которой гулял смертоносный ток.

Рывок, поворот, так чтобы лохматые колючки отлетели в стороны и преграда обвисла над ограждением бесполезным мотком. Беглец подхватил ее куском дерева и утопил в натянутые линии. Хлопок, треск разрядов! Тело выгнулось от боли под пульсацией тока, что прошел его насквозь...

Александр гаркнул во все горло:

— Давай!

Путь свободен. Узник погиб, приняв на себя удар, он знал, что так будет. Его смерть — путь на свободу для остальных.

Канунников резво подтянулся на руках и оказался наверху ограды. Спортивные занятия, сдача норм ГТО тогда, год назад, до распределения в военную часть в Польше! Комсомолец и курсант училища связи, он даже и не думал, как ему пригодится тренированное тело.

Длинный прыжок вперед! Твердая земля ударила по босым ступням, отозвавшись острой болью в щиколотках и коленях. Но нет ни секунды для страданий, надо спасаться! И он кинулся со всех ног. Как можно быстрее, как можно дальше к краю леса, который чернел впереди. Эта широкая густая полоса деревьев отделяла концентрационный лагерь от польского городишки Влодава. Островок свободы, место, где можно затаиться и найти убежище.

Еще три месяца назад Александр Канунников был обычным старательным новичком-летехой в советском военном гарнизоне. Это было там, в мирной жизни, которая текла, как спокойный глубокий ручей. Сейчас все изменилось: пришла армия германского рейха, безумный тиран оккупировал Польшу. Началась война, кровожадный монстр фашизма принялся пожирать человеческие жизни сотнями тысяч. И поэтому теперь советский офицер, лейтенант Александр Канунников, превратившийся в узника фашистского концентрационного лагеря, бежал, как затравленный зверь, спасая свою жизнь.

Плечо и макушку несколько раз обожгло несущимися вслед пулями немецких автоматов, будто оса ужалила, но его уже ничто не могло остановить. План сработал, впереди свобода! Позади на

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

заборе, на тюремном пяточке, в двух шагах от колючей проволоки, змеящейся вдоль всего лагеря, лежали десятки тел. Мертвые сокамерники — заключенные блока С, тоже советские офицеры. Они знали, что шанс вырваться на свободу невелик, что повезет лишь единицам, и все равно решились на побег. Свобода любой ценой!

По ночам заключенные шепотом обсуждали план, просчитывая каждую секунду, обдумывая свои действия: разбить прожектора, вырвать доску из основания вышки, замкнуть электричество в проволочном ограждении, перелезть через забор и убежать в лесополосу, которую они каждый день видели в щели забора.

Канунников тоже повторял, как прилежный студент перед экзаменом, мысленно отсчитывая секунды. Удар, прыжок, удар. Забор, прыжок — и бежать, бежать что есть сил! Бежать так, как не бегал никогда, на кону — его жизнь, его свобода.

Получилось! И не только у него. Саша слышал рядом шаги и дыхание других беглецов. Времени на переключку нет, надо нестись со всех ног в спасительный лес! Там, среди деревьев, они смогут укрыться, слиться с землей, затаиться в норе, пока идет облава.

В лагере уже поднялся шум — лай собак и крики охраны, через пять минут солдаты начнут прочесывать окрестности. По следам пустят адресированных овчарок. Им надо сбить собак с толку.

На секунду Канунников позволил себе оглянуться: рядом бежали еще пять человек, только их лица было трудно рассмотреть в сумерках.

— Товарищи, нам надо найти ручей или болото! Что-нибудь — воду! И пройти по ней. Собаки потеряют след!

Узники замедлились, затаили дыхание, прислушиваясь, не шумит ли где-нибудь рядом вода. Тишина. Черные деревья обвисли после дождя, под ногами хлюпает грязь и мокрая трава. Александр набрал полные легкие воздуха, затем сделал еще один глубокий вдох и еще, пытаясь уловить направление, откуда тянет влажной свежестью.

— Туда! — Взмах ладони направо, где заросли стоят густой стеной. — Там должна быть вода!

Он первым кинулся через мокрые кусты, остальные последовали за ним молча, задыхаясь после стремительного бега. Влажные ветки хлестко били по обнаженным телам, ноги скользили по грязи, подворачиваясь на глине. И все равно сбежавшие заключенные торопились, позабыв об осторожно-

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

сти. Двигались, скользили, карабкались, хватались руками за ветки отчаянно и зло, движимые лишь одной силой — надеждой на спасение.

Лай тюремных овчарок становился все слышнее, разрывал на части спокойствие ночного леса. От угрожающего рыка сознание наполнялось первобытным ужасом, который толкал в спину, обжигал изнутри.

Впереди зашумела вода: заваленная буреломом узкая речушка перекатывалась в неглубокой низине. Один из заключенных шагнул в воду и с криком дернулся обратно — ледяная вода из подземного источника обожгла до костей. Ему показалось, что по ногам ударил электрический разряд.

— Идем через поток! Вода собьет собак со следа! А дальше — лезем на деревья!

— Нет! — Канунникову хотелось кричать, столько внутри было напряжения, но ему приходилось шептать. Лай собак и голоса солдат приближались, между черными силуэтами деревьев воздух уже разрезали лучи фонарей. — Они будут прочесывать весь лес. Пока не найдут. На той стороне реки тоже! Мы должны спрятаться в воде, нырнуть и задержать дыхание.

Саша шагнул в воду, остальные последовали за ним. От боли стиснули зубы, сдерживая крик. Студеный поток невыносимо обваривал болью, миллионы острых иголок впивались в тело, с каждой секундой находиться в ручье становилось все невыносимее.

— Нет, невозможно! Вода слишком холодная. Надо уходить в глубину леса, — один из заключенных не выдержал и неуверенными шагами выбрался из стремительного потока.

— Нет, нет! — Александр задыхался от боли в ногах, еле выговаривая слова сквозь сцепленные зубы. — Они найдут нас в лесу. Собаки почуют. Вода, нужна вода!

В ответ зашептали остальные, дергаясь от ледяных ожогов:

— Не выдержать!

— Это верная смерть!

Один за другим заключенные выбрались на противоположный берег, в холодном потоке остался один Канунников. Он дрожал, не в силах сдерживать судороги во всем теле.

— Нет-нет! Так собаки найдут вас! — Зубы ломило от боли, казалось, что они сейчас раскрошатся от безостановочного клацанья.

Ему никто не ответил — темные фигуры скользнули в кусты и бесшумно исчезли в черном лесу. Кроны деревьев выступили на фоне неба в лучах фонарей, овчарки, почуяв беглецов совсем близко, злобно лаяли, хрипели, рвались с поводков.

Александр набрал в легкие воздуха и нырнул под воду. Он ухватился за огромный валун, прижался к нему всем телом, чтобы не всплыть на поверхность. От страшного ледяного кипятка перед глазами замельтешили белые пятна, тело изогнулось в судорогах из-за кошмарной боли, заломило в затылке, грудь сдавило железными обручами. Ему казалось, что кожа горит огнем и этой пытке нет конца.

По поверхности воды скользнули белесые лучи фонарей.

Голова пылала ледяным огнем, кожу будто снимали заживо колючие потоки, все тело ныло и ломало, его словно проворачивали в огромной мясорубке. В голове пронеслось: «Сталь — сплав железа и углерода, где углерод находится в диапазоне от 0,02 до 2,14 процента, при содержании углерода выше этого показателя сплав называется чугуном. А я будто в кипящем чугуне плаваю».

Мысли сбились, запрыгали острыми молоточками, отдаваясь звоном в ушах. Перед глазами

потемнело, Канунников из последних сил оттолкнулся от каменистого дна и вынырнул. С хрипом втянул воздух, еще и еще, не видя ничего вокруг, кроме черной пелены, на ощупь выбрался к залежи валежника и рухнул без сил на влажную траву.

От холода его знобило все сильнее. Несколько неуверенных попыток проползти вперед, и лейтенант снова сворачивался в калачик, содрогаясь в болезненных судорогах. Метр, еще метр на дрожащих конечностях.

И вдруг снова зло залаяли собаки, застрекотали автоматы. Короткие вскрики на немецком языке, а между ними полные отчаяния вопли пойманных беглецов:

- Нет!
- Бежим!
- Скорее сюда!

Через пару минут все стихло, утонуло в еловых лапах.

Саша зажал ладонью рождающийся горький крик — все погибли, фашисты нашли и расстреляли сбежавших заключенных. Он прикусил пальцы, чтобы остановить рвущуюся наружу ярость, да так, что не услышал, как эсэсовцы двинулись назад, переговариваясь между собой. Рядом

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

на поводках смиренно шли собаки. Ни хриплого лая, ни выстрелов, ни стремительной погони. Охота окончена.

Канунникова еще долго трясло от страха и боли во всем теле. Ночной холод сжимал измученного беглеца все прочнее, лишая остатков жизни. Саша понимал, что нельзя останавливаться, чтобы согреться, надо двигаться, даже если кажется, что это невозможно. Полз, цепляясь руками за корни, не в силах подняться на ноги. Временами его накрывало черной дурнотой, обморок, будто толстое одеяло, на несколько секунд отвлекал от влажного леса и скользких щупальцев холода. Потом сознание приходило снова — он в лесу, почти голый, обессиленный от усталости и холода. Но живой! Тогда он опять полз наугад вперед, лишь бы как можно дальше от лагерной смерти.

Черные корни деревьев в какой-то момент начали шевелиться; как живые, ускользать из-под слабых пальцев. Канунников злился и хватал их, лупил по ним кулаком, пока вдруг не почувствовал на пальцах что-то теплое.

«Это кровь, я разбил до крови руки. Я брежу. Галлюцинации, началось воспаление после ледяной воды». — От пугающего осознания, что он

больше не управляет собой, накатило спасительное равнодушие.

Больше ничто не имеет смысла, выхода нет, впереди пустота и мучительная смерть в лесу от голода и болезни. Ну, вот и все, он скоро умрет...

Александр перевернулся на спину, выдохнул с облегчением: «Даже если я умру, то смерть моя будет на свободе. Под звездами, они такие же, как в родном Славгороде, крупные и желтые, будто жемчужины».

Губы его дрогнули от слабой улыбки. Канунников сел, потом с трудом поднялся на ноги и неожиданно понял, что стоит рядом с околицей родного поселка. Привычный зеленый заборчик. Так же тихо шелестит березка у дороги, приветствуя поредевшей осенней листвой позднего путника, пока аккуратные домики со своими обитателями смотрят сны.

Он сделал шаг, другой, а потом заторопился, откуда-то прибавилось сил — ведь он вернулся домой! Ноги сами кинулись к родной хате на краю улицы. Саша толкнул калитку, прошел темноту двора и, цепляясь руками за перила, поднялся по трем ступенькам на низенькое крыльцо. И уже здесь упал без сил.

«Это бред, галлюцинация, я в Польше на оккупированной Гитлером территории, я был захвачен